

Алексей Баталов

любимых мною в ардовской родне), Алешина сверстница, уточняет легенду подробностью, что усилий Виктора Ефимовича по изготовлению фальшивого аттестата оказалось недостаточно — и Ольга Леонардовна Книппер-Чехова ездила хлопотать за племянника Николая Баталова к Ворошилову.

В Школе-студии мои слабые академические успехи по первым семестрам дирекцию не волновали. Но когда на втором курсе на меня ополчились буквально все педагоги, Вениамин Захарович насторожился. Меня, правда, пытались спасти Кедров, Ефремов и Виленкин, друживший тогда с Ефремовым. Но их аргументы в защиту звучали для директора неубедительно — ходатаям было просто жаль меня, уверенности в моем артистическом будущем не было и у них. Я спросил у Ефремова: «Может быть, мне самому уйти, раз все меня ругают?». Ефремов был не в настроении: «Ну если ты спрашиваешь, уходи!». Позднее он спокойно объяснял мне, что в актерах никто никого не удерживает. Засомневался в себе, сам и решай — быть тебе здесь или не быть.

И я пошел к Радомысленскому. Он спросил: «А куда же ты, дружок, пойдешь?». Я ответил, что собираюсь в Институт кинемато-

графии. На самом деле я никуда не собирался — был в растерянности, не знал, что делать.

Директору мысль о ВГИКе почему-то понравилась. Он только поинтересовался: «Но, надеюсь, ты на режиссерский факультет идешь, не на актерский?». И выдал мне специальную бумагу — напечатанное на бланке Школы-студии обязательство Министерству высшего образования, что оторвет от себя штатную единицу учебному заведению, которое согласится взять меня к себе переводом.

С Институтом кинематографии — из-за пьяной глупости моей (сначала) и нетерпения (потом) — не выгорело. А с факультетом журналистики МГУ, куда мне совершенно не хотелось поступать, получилось.

И вот теперь я козыряю университетским образованием.

Кем бы я, интересно, стал без Вениамина Захаровича, Царствие ему Небесное? Мне это еще и потому приятно вспомнить, что опрометчивых решений наш директор не любил.

Нам рассказывали про случай с ним, когда он служил в чине капитана третьего ранга начальником Театра Северного флота, носил на боку кортик, — он и появился, по преданиям, впервые в Школе-студии в форме. Номер во флотской гостинице делил с ним поэт Сергей Островой, прикомандированный к газете. Ночью — тем более что стояли белые ночи — Островой, как поэту и положено, не спал, сочинял стихи. И увидел из окна, как поднимается на сопку член военного совета, контр-адмирал, — и катит в горку велосипед. Поднялся на сопку — и съехал. Снова поднялся — и снова съехал. Островой увиденную сцену досуга флотоводца немедленно переложил на стихи. И не мог дожидаться утра, чтобы поскорее прочесть новое стихотворение редактору газеты...

К пробуждению Вениамина Захаровича поэт уже вернулся из редакции буквально в слезах — стихи к печати не приняли. Он бросился за утешением к Радомысленскому. Но тот, внимательнейшим образом изучив текст,